

ЦЫПЛЯТ СЧИТАЮТ ПО... ВЕСНЕ

Литературная сценка. — Алма-Ата. — 1991. — Сцен.

Премьера и дебют — завтра
на сцене театра им. М. Ауэзова.

Представляем виновника

Ермеку Аманшаеву 28 лет. Родом из Мангышлака, выпускник филфака КазГУ, ответсекретарь журнала «Жалын». Первая написанная им пьеса — на сцене национальной театральн ой «академии». Случай незаурядный. Интересно, что за ним?

— Ермек, как бы узнать подробности!

— Да я сам удивляюсь. Студентом был самым обыкновенным. Немного писал, но для себя. Три года назад вышла моя первая критическая статья. Это был нетрадиционный взгляд на раннее творчество Ауэзова. Ее заметили, и я был поражен, сбит с толку и просто летал в небесах, когда ко мне пришел, прочитав эту статью, М. Магауин. Мудрый человек, признанный в литературе авторитет, он говорил со мной, никому не известным, об Ауэзове, о жизни спокойно и на равных. Это был совсем другой уже университет...

— Значит, удача! И пьеса — тоже! Почему, кстати, у нее такое название — «Прерванная колыбельная»!

— Нет, я не любимец фортуны. Пьесу написал в 86-м году. В Алма-Ате к ней отнеслись очень скептически. Но когда три года спустя здесь состоялся региональный

семинар молодых драматургов, «Колыбельную» отметили и забрали в Москву. А потом — как гром среди ясного неба. Приглашают в столицу на семинар «Современная молодая драматургия».

— Там были ваши ровесники со всего Союза!

— Я оказался самым молодым, да еще и с первой пьесой. Сначала было не по себе. Тем более, что руководили семинаром «львы» советской драматургии — Михаил Рошин и Людмила Петрушевская. Кругом известные люди, критики. И тут я со своим «первенцем». Из всех просмотренных пьес комиссия отобрала восемь. И, как ни странно, «Прерванную колыбельную» тоже. А Людмила Петрушевская даже заплакала над одной из сцен...

— Да, можно только догадываться о вашем состоянии. И все же, в чем, по-вашему, дело? Ведь сюжет — о молодых, приехавших из глубинки в большой город, скажем так, не новый.

— Трудно сказать, чем привлекла «Колыбельная». Может, искренностью? В чем-то пьеса автобиографична. Весь материал я пропустил через себя. Приезжает парень из села, мечтает о светлом будущем, даже

не подозревая, сколько трудностей его ждет. И не каждый выдержит, может сломаться.

— Я знаю, что пьеса неординарно построена. Так!

— На сцене как бы видеоряд. У героев нет имен, просто Он и Она. Это момент потери человеческой индивидуальности, своего «я», когда герои превращаются в урбанизированных «средних» жителей. Есть в спектакле важная и, по моему, сильная сцена — смерть ребенка. Его, мертвого, кладут в чемодан и везут на кладбище. Чемодан — это разрушение символов, вековых устоев, традиций, когда молодые даже не знают, как надо хоронить, и некому им подсказать. Это страшно...

— И все же, Ермек, не отстану, пока не пойму. Вашу пьесу мог бы написать, пережив, человек с гораздо большим жизненным опытом, чем у вас, просто старшим, наконец. Что, это своего рода акселерация!

— А мы неправильно относимся к своему возрасту. Почему-то считается, 28 лет — это еще цыпленок, совсем юнец. А к тридцати годам человек уже должен определиться в жизни, многое уметь, не откладывая на сорок или пятьдесят. Жизнь такая короткая, а мы все пыта-

емся продлить пору беззаботной юности.

— Ясно, у вас пора зрелости. А как у режиссера, поставившего вашу пьесу, актеров, занятых в ней!

— По-моему, с этим все в порядке. Режиссер Аубакир Рахимов молод. У нас полное взаимопонимание. Он следует традициям Азербайджана Мамбетова, что очень мне импонирует. Актеры тоже молодые, но играют, как мне кажется, хорошо и проникновенно.

— Завтра — премье-

ра. За многие годы это первый случай, чтоб главный театр республики ставил пьесу столь молодого автора. Как вы себя чувствуете! Поджилки не трясутся!

— Еще как... Этот спектакль может многое изменить в моей жизни. Или в хорошую, или в плохую сторону. Главное — что скажут зрители. И потом, я очень надеюсь, что в зале будет много молодых лиц.

А. КАРАУЛОВА.
Фото С. Бондаренко.